

А ЧТО БЫ ВЫ ДЕЛАЛИ НА МЕСТЕ ГОСУДАРСТВА?

Валерий Анашвили

Валерий Анашвили — главный редактор журналов «Логос» и «Пушкин», директор «Центра по изучению проблем современной философии и социальных наук», философский факультет МГУ

Государство не может служить каким-то иным интересам помимо своих собственных. Но что это за интересы? «Что бы вы делали, если бы вы были государством?» — спрашивает Ясаи.

Что хочет государство?

Чем занято предприятие и каков его интерес, более-менее понятно. Оно максимизирует прибыль. Это его главная и единственная цель. Все остальное: выдача заработной платы сотрудникам, бесплатные обеды в офис, корпоративные вечеринки с приглашением карликов, благотворительные программы в пользу лесов Амазонки и коренных народов Севера, захват новых рынков — это лишь средства, позволяющие достичь главного, максимизировать прибыль. Предприятие либо достигает этой своей главной цели, либо вычеркивается из сводного реестра.

Делается ли это во благо граждан или во вред — это лишь средства, служащие в разные эпохи и с разной степенью эффективности одному:

«**доброе» государство или «злое», оно неумолимо стремится к максимизации власти.** Это его базовая, фундаментальная интенция. Иными словами, максимизация власти — это все, ради чего живет государство.

Прочее, с чем сталкиваемся мы как граждане, — это лишь средства, позволяющие государству реализовать свою доминантную цель. Действуя как рациональные субъекты, государства стремятся максимально эффективно использовать имеющиеся в их распоряжении ограниченные ресурсы, чтобы распространить свою власть как можно дальше и сделать ее как можно прочнее. Как правило, государства стараются избежать при этом зависимости от какой-либо узкой группы лиц, касты или класса, опасаясь ограничения своей автономии.

Именно поэтому история государств в Европе — это история расширения легитимности государств за счет привлечения все более широких слоев населения. Конечно, государству попутно *может нравиться* помогать простым рабочим парням с открытой улыбкой или доставлять удовольствие притеснять хитрых и неопытных торгашей, но это всегда лишь косвенные следствия процесса перераспределения средств при демократических режимах, обеспечивающих государство наибольшей властью.

«Доброе» государство или «злое», оно неумолимо стремится к максимизации власти

Что может государство?

В ситуации кризиса (чтобы иметь возможность вовремя купировать негативные последствия) особенно не стоит упускать из виду следующее.

Первое. Конечной цели государства — **максимизации власти** — в наибольшей степени удовлетворяет процесс, связанный с **переходом от автоматизма управления к управлению «ручному», окказиональному.** И одновременно

как можно менее «профессиональному». Некомпетентность правительства создает потребность в исправлении его действий, то есть беспрерывно воспроизводит и расширяет зону присутствия государства, все дальше и дальше распространяя его власть, максимизируя ее, создавая предпосылки для слияния власти политической и экономической.

Понимая, что этот процесс не «злая воля» отдельных чиновников, а **общая воля государства**, следует прекратить растрчивать в бессмысленной полемике ограниченные силы гражданского общества и направить критические усилия в дискуссионное русло, в более щадящие и приемлемые для общества формы.

Второе. Одновременно со стремлением государства максимизировать власть **усиливается и потребность государства в ощущении легитимности своих действий.** Говорить сейчас государству, что оно теряет легитимность (как необдуманно делают некоторые заводные головы), значит подталкивать его к радикальной смене приоритетов и изменению нынешней структуры трат. Вместо того чтобы имеющиеся в его распоряжении ресурсы использовать для экономического выживания (то есть «на борьбу с кризисом»), государство немедленно начнет тратить их на политические цели — на латание тех идеологических и электоральных дыр,

где якобы истончилась легитимность. В долгосрочной перспективе все это крайне невыгодно обществу в целом.

Третье. Тотальное государство — явление опасное прежде всего для самого государства. В этом случае у государства в наличии оказывается очень узкий выбор средств для самосохранения и ограниченный набор механизмов, защищающих от критики и восстания. Оно становится в ответе за все, оказываясь одновремен-

но и ответчиком и судьей.

Идея разделения властей, исторически явившаяся спасением от этой коллизии, довольно успешно справляется со своей задачей. Но все это лишь до тех пор, пока власть в целом — доброжелательна (поскольку мы говорим о суверенном государстве, в отношении которого не существует никакого источника внешнего принуждения для разрешения этих конфликтов, ничто, кроме внутренней целесообразности, не может обеспечить эту доброжелательность).

Нельзя исключать, что в условиях кризиса у государства возникнет искушение еще более диверсифицировать ответственность за негативные явления в стране, еще более раздробить зоны этой ответственности, делегируя частичные властные полномочия не готовым к их принятию (ни нравственно, ни по уровню своей квалификации) государственным

институтам. И все это начнет происходить на фоне одновременного перехода государства в режим меньшей доброжелательности по отношению к добровольному исполнению собственных законов и норм — этому запросто может способствовать непрерывный управленческий стресс и тающие ресурсы. Результатом подобного срыва окажется разбалансировка наличной системы «сдержек и противовесов» при одновременной закупке каналов, по которым пока еще

курсируют вверх сигналы озабоченности, а вниз — сигналы к разрешению конфликтов. ■

27

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ КРАТОКРАТИИ (ГЛОБАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ)?

Андрей Фурсов

Андрей Фурсов — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета

В 1991–1992 гг. я опубликовал работу «Кратократия (социальная природа советского общества)». Кратократия означает «власть власти». Она есть отрицание государственности как таковой, так же, как она есть отрицание классовости и частной собственности: когда государство охватывает (гражданское) общество в целом («государство везде»), оно перестаёт быть государством.

На рубеже 1960–1970-х годов, прежде всего в США, резко активизировали борьбу за выход на первый план новые хищные группы мирового капиталистического класса — корпоратократия. Они стремились играть на нескольких «досках» сразу — свержение правительства Моссадыка в Иране (1953 г.), ползучий переворот в США с устранением братьев Кеннеди и Никсона (1963–1974 гг.), создание Римского клуба (1968 г.) и Трёхсторонней комиссии и т.д. Изначально борьба корпоратократии «за место под солнцем» протекала в неявной форме, будучи элементом других конфликтов — между финансовым капиталом и государством, с одной стороны, и государством и ТНК, с другой. Ситуационно вступая в союз с одним протагонистом против другого, корпоратократия раздвигала финансовый капитал и государство.

В последние два десятилетия XX в. финансовый капитал/корпоратократия подорвали не только нацию-государство, но и другие институты капитализма. Сегодня от сильного капитализма остаются только финансово-рыночные институты/механизмы, доминирующие позиции ко-

торых в глобальной экономике есть результат деятельности финансового капитала и корпоратократии. Однако сегодня их пути расходятся. Устранение господства глобальных финансовых групп и их политических марионеток передаст власть в руки корпоратократии, контролирующей нематериальные факторы производства, и покончит с капитализмом. Но это же будет и конец корпоратократии, и начало второго издания кратократии, в глобально-региональной версии — неократократии.

Место государства займут постгосударственные формы. Именно всемирное правительство, путь к которому, согласно Аттали, лежит через мировую валюту и мировой финансовый кризис, способно создать условия для победы неократократии над финансистами.

Капитализм сегодня движется вперёд в наше коммунистическое/кратократическое прошлое 1930-х годов с его «орденом меченосцев» — ВКП (б). Россия в виде СССР, как это часто бывало, в 1920–1930-е годы забежала вперёд и показала миру кое-что из его будущего. ■